

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.7>

UDC 903'1(470.4):504.38

LBC 63.442.7(235.7)-1

Submitted: 21.08.2025

Accepted: 30.09.2025

COMPLEXES OF THE FINAL OF THE LATE SARMATIAN PERIOD IN THE LOWER VOLGA REGION¹

Mikhail V. Krivosheev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vladimir Yu. Malashev

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The traditional dating established in the historiography of the upper chronological boundary of the Late Sarmatian culture requires adjustment. After the mid-3rd century, global political changes occurred in the Volga-Don region, associated with the expansion of the Alan population from the North Caucasus to the Lower Don, leading to the formation of the “Alan-Tanaïtes” culture. This culture was based on two cultural components: Late Sarmatian and Alan. By the 4th century, the Alan tradition of burial in T-shaped catacombs had almost completely supplanted Late Sarmatian burial structures. Thus, in the second half of the 3rd century, two apparently politically independent groups of nomads with different cultural foundations emerged in the Volga-Don steppes: the Late Sarmatians and the Alans. The western group, gravitating towards the Lower Don, is characterized by the traditions of the “Alan-Tanaïtes” culture, while the eastern group, associated with the Right Bank of the Lower Volga, is characterized by Late Sarmatian traditions. The boundary between them passed in the area of the Yergeni area. The article analyzes the kurgans from the final stage of the Late Sarmatian period in the Lower Volga region. A total of 8 complexes dating to the 4th century have been identified. Most are associated with the Late Sarmatian cultural complex, while several burials are represented by type I and II catacombs, which can be interpreted as the influence of the “Alan-Tanaïtes” culture. The obtained results confirm the previously stated hypothesis about the absence of archaeological evidence for the existence of the Late Sarmatian culture as an integral phenomenon in the region during the 4th century. Against the background of increasing climate humidity in the second half of the 3rd century AD, a complex of factors unfavorable for nomadic pastoralism in the steppe zone of the Volga-Urals region intensified. The consequence was an outflow of population from the region or their death. It cannot be ruled out that the nomads could have used these territories as summer pastures. However, it is unlikely that one can speak of a stable year-round presence of pastoralists here at this time. The historical, cultural, and natural-climatic processes that swept the Lower Volga region in the second half of the 3rd – 4th centuries were large-scale and prolonged. Similar scenarios for pastoral cultures evidently developed in the forest-steppe of Western Siberia and the steppe zone of the Southern Urals.

Key words: Lower Volga region, Late Sarmatian culture, cultural complex, upper chronological boundary, Alans-Tanaïtes, climatic changes.

Citation. Krivosheev M.V., Malashev V.Yu., 2025. Kompleksy finala pozdnesarmatskogo vremeni v Nizhnem Povolzh'e [Complexes of the Final of the Late Sarmatian Period in the Lower Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 4, pp. 174-186. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.7>

УДК 903'1(470.4):504.38

ББК 63.442.7(235.7)-1

Дата поступления статьи: 21.08.2025

Дата принятия статьи: 30.09.2025

КОМПЛЕКСЫ ФИНАЛА ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ¹

Михаил Васильевич Кривошеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Владимир Юрьевич Малашев

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Традиционная датировка верхней границы позднесарматской культуры, устоявшаяся в историографии, требует корректировки. После середины III в. в Волго-Донском регионе происходят глобальные политические изменения, связанные с экспансией аланского населения Северного Кавказа на Нижний Дон, которые приводят к оформлению культуры «алан-танаитов». В основе ее лежали два культурных компонента: позднесарматский и аланский. К IV в. аланская традиция захоронения в Т-образных катакомбах практически полностью вытеснила позднесарматские погребальные сооружения. Таким образом, во второй половине III в. в волго-донских степях складываются две, очевидно, политически независимые группы кочевников с различными культурными основами: позднесарматской и аланской. Для западной, тяготеющей к низовьям Дона, характерны традиции культуры «алан-танаитов», для восточной, связанной с Правобережьем Нижней Волги, позднесарматские. Граница между ними проходила в районе Ергеней. В статье проведен анализ курганов финала позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. Выделено всего 8 комплексов, относящихся к IV веку. Большая часть их связана с позднесарматским культурным комплексом, несколько погребений представлено катакомбными захоронениями I и II типов, что можно интерпретировать как влияние культуры «алан-танаитов». Полученные результаты подтверждают ранее высказанную гипотезу об отсутствии археологических свидетельств существования позднесарматской культуры как целостного явления в регионе в IV веке. На фоне увеличения увлажненности климата во второй половине III в. происходит нарастание комплекса факторов, которые оказываются неблагоприятными для ведения кочевого скотоводства в степной зоне Волго-Уралья. Следствием этого становится отток населения из региона, либо их гибель. Нельзя исключать, что кочевники могли использовать эти территории в качестве летних пастбищ. Однако о круглогодичном устойчивом пребывании скотоводов здесь в это время вряд ли можно говорить. Историко-культурные и природно-климатические процессы, охватившие Нижнее Поволжье во второй половине III – IV в., были масштабными и продолжительными. Аналогичные сценарии для скотоводческих культур, очевидно, развивались в лесостепи Западной Сибири и степной зоне Южного Приуралья.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, позднесарматская культура, культурный комплекс, верхняя хронологическая граница, аланы-танаиты, климатические изменения.

Цитирование. Кривошеев М. В., Малашев В. Ю., 2025. Комплексы финала позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 4. С. 174–186. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.7>

Начиная с середины XX в. в сарматской археологии утвердилось представление о хронологии финала раннего железного века, который связывался с нашествием гуннов в 70-х гг. IV века. Датировка позднесарматской культуры традиционно определялась в рамках II–IV вв. (Б.Н. Граков, К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова). Дальнейшее изучение позднесарматских древностей позволило поднять нижнюю дату культуры до середины II в. н.э. [Скрипкин, 1984; Безуглов, 2001]. Верхняя же граница еще долгое время увязывалась с появлением гуннов и их вероятным столкновением с сарматами на пути на запад. Эта идея подтверждалась античными источниками – Аммиан Марцеллин в своем труде сообщал о столкновении гуннов с аланами, известными как танаиты, которые были сокрушены, частично рассеяны, а частично включены в состав гуннского войска (Аммиан Марцеллин, XXXI, 3.1). Аланы-танаиты ассоциировались

с кочевниками-сарматами в рамках позднесарматской культуры на берегах Танаиса (Дона) и никаких противоречий в этой концепции не возникало.

Изменения в понимании ситуации стали очевидны после появления, во-первых, работы В.Ю. Малашева по хронологии ременных гарнитур позднесарматского времени, позволившей получить значительно более подробную хронологию позднесарматских древностей [Малашев, 2000]; во-вторых, благодаря работам С.И. Безуглова, посвященным характеристике захоронений в Т-образных катакомбах в Нижнем Подонье [1990; 2008], и статье В.Ю. Малашева [2009], характеризующей верхнюю хронологическую границу позднесарматской культуры. Итогом этих изысканий стала возможность выделить новую культуру «алан-танаитов» середины III – IV века. Ее стоит считать самостоятельной, отличной от позднесарматской культуры и принадлежав-

шей кочевой группе, обитавшей в волго-донских степях и степном Предкавказье. Культура сформировалась на основе двух основных компонентов: субстратный позднесарматский культурный комплекс и суперстрат мигрантов – носителей аланской культуры Северного Кавказа [Малашев, 2010, с. 128–129; Малашев, Кривошеев, 2023, с. 273–274].

Именно носители культуры «алан-танаитов» были упомянуты в труде Аммиана Марцеллина в связи со столкновением с гуннами в 70-х гг. IV века. К этому моменту группа кочевников Нижнего Дона была достаточно многочисленной, что подтверждается количеством захоронений IV века.

Работы последних двух с половиной десятилетий позволили прояснить и судьбу позднесарматской культуры как целостного явления. В статье 2009 г. В.Ю. Малашев, анализируя памятники позднесарматского времени Урало-Волго-Донья, пришел к выводу, что на большей части территории степей Восточной Европы позднесарматская культура в качестве целостного культурного явления в IV в. отсутствует. Она сохраняется лишь в районах Нижнего Поволжья; однако количество этих комплексов невелико, инвентарь их сравнительно беден [Малашев, 2009, с. 50].

В дальнейшем полученные В.Ю. Малашевым выводы о верхней хронологической границе были верифицированы на подробном анализе материалов Южного Приуралья. Позднесарматские памятники этого региона не выходят за пределы середины II – III века. При этом, вероятно, датировка комплексов, относящихся ко 2-й половине III в. н.э., скорее всего, должна исключать финал этого столетия [Малашев, 2013, с. 130]. Данный вывод указывает на региональные особенности в развитии позднесарматской культуры и хронологии ее верхней даты. Таким образом, из традиционных представлений о позднесарматской культуре выпадает период IV в., который ранее увязывал историю сарматского господства в степях Восточной Европы с историей гуннского объединения.

Аналогичная картина, демонстрирующая практически полное отсутствие захоронений IV в., фиксируется и в степях Заволжья. На сегодняшний день с территории к востоку от Волги нам известно всего 2 комп-

лекса из Суловского могильника, которые по пряжкам можно уверенно датировать IV в. [Рыков, 1925; Скрипкин, 1976] (об их датировке – ниже). С особенностями и своеобразием этих комплексов еще предстоит разобраться, однако, наличие всего двух захоронений IV в. на этой территории не позволяет говорить о широком присутствии здесь кочевников.

Поскольку, как было сказано ранее, после середины III в. на Нижнем Дону формируется культура «алан-танаитов», просуществовавшая до конца IV в., а о широком присутствии позднесарматской культуры IV в. в Южном Приуралье и Заволжье говорить не приходится, то есть основания полагать, что некие кочевые группы – носители позднесарматских традиций, могли сохраниться в Нижнем Поволжье. Комплексы второй половины III в. представлены многочисленными захоронениями на территории Астраханского Правобережья, преимущественно в могильниках у с. Кривая Лука, а также в целом на территории южной части Волго-Донского междуречья.

Анализ массива степных подкурганных комплексов середины III – IV в. в южной части междуречья Волги и Дона демонстрирует некую ощутимую границу между ареалом распространения традиций культуры «алан-танаитов», ядро памятников которой находилось в междуречье Сала и Маныча, и территорией восточных районов этого региона, которые демонстрируют устойчивое сохранение традиций позднесарматской культуры.

Судя по имеющимся данным, можно говорить о существовании в волго-донских степях двух групп памятников, одна из которых, западная, являлась носителем традиций культуры «алан-танаитов», фиксирующейся в использовании катакомбных могильных конструкций, которые не характерны для позднесарматского культурного комплекса. Ареал распространения курганов этой группы охватывает почти всю территорию южной части Волго-Донского междуречья, исключая Астраханское Правобережье Волги, бассейн реки Медведица в северной части Волго-Донского междуречья и правобережье Нижнего Дона [Кривошеев, 2016].

Памятники второй группы кочевников, восточной, сосредоточены, в основном, на правом берегу Волги (некрополь у с. Кривая

Лука). В погребальных традициях этой группы и в вещевом материале отсутствуют признаки взаимодействия с носителями культуры «алан-танаитов» [Кривошеев, 2016, с. 101].

Таким образом, для второй половины III в. в волго-донских степях можно говорить о существовании двух, очевидно, политически независимых групп кочевников с различными культурными основами: позднесарматской и аланской [Малашев, 2009, с. 50].

В условиях проживания на сопредельных территориях, вероятно, происходила некая диффузия, при которой катакомбный обряд захоронений отчасти воспринимался в группе позднесарматского населения. Зона взаимодействия описанных двух групп проходила примерно по Ергеням. В этой зоне находятся такие крупные могильники, как Купцын толга, Кермен толга, Абганерово II, относящиеся к восточной группе, в курганах которых отмечается проникновение традиций захоронения в Т-образных катакомбах, но позднесарматские погребальные сооружения доминируют.

Из 53 курганов могильника Купцын толга 32 кургана уверенно связываются с финальной фазой позднесарматской культуры, и имеющиеся хроноиндикаторы указывают на время его функционирования во второй половине III в.: крупные двучленные лучковые фибулы III серии с расширенной ножкой, сюльгамы, подвески-лунницы [Кривошеев, Малашев, 2016]. При этом в 30 курганах могильные конструкции представлены подбоями или узкими ямами и лишь в одном случае катакомбой II типа (кург. 34), в которой погребенный был ориентирован на юг, находясь головой к входу в камеру.

В могильнике Кермен толга из 18 курганов позднесарматского времени 11 относятся также ко второй половине III в. н.э. Хроноиндикаторы для этой группы те же, что и в Купцын толга. В кургане 21, в единственной в могильнике Т-образной катакомбе, было обнаружено парное захоронение женщины с ребенком, ориентированными головами на ВЮВ, вправо от входа в камеру. По находке крупной двучленной лучковой фибулы III серии и подвески-лунницы комплекс относится ко второй половине III века.

В могильнике Абганерово II из 33 курганов позднесарматского времени 18 датируют-

ся после середины III века. Преимущественно это подбой и узкие прямоугольные ямы. В двух курганах встречены Т-образные катакомбы, обе были полностью ограблены. Элемент обряда в виде захоронений в Т-образных катакомбах (тип I) был принесен и стал основным диагностическим признаком культуры «алан-танаитов». Появление катакомб II типа можно рассматривать как некий синтез северной ориентировки погребенных, характерной для позднесарматской традиции, и катакомбного обряда захоронений [Малашев, 2009, с. 50; Малашев, Кривошеев, 2023, с. 273]. Катакомба нестандартной конструкции в кургане 33 по времени отстоит от основной группы, датируемой второй половиной III в., и относится к IV веку. В ней погребенный также был уложен в меридиональном направлении.

Если обстановка в волго-донских степях во второй половине III в. достаточно ясная, то не вполне очевидна ситуация для IV века. Целью данной статьи является вычленение комплексов IV в. в Нижнем Поволжье и попытка установления верхней границы существования позднесарматской культуры и позднесарматского культурного комплекса.

Наиболее поздние в Нижнем Поволжье подкурганные комплексы круга позднесарматских древностей и захоронения с элементами культуры «алан-танаитов» относятся к IV в. и количество их не велико. Нам удалось выделить 8 комплексов, которые могут уверенно датироваться IV веком (рис. 1).

Из выделенных захоронений к позднесарматскому культурному комплексу можно отнести 5 погребений в подбоях и прямоугольных ямах, с северной ориентировкой и искусственной деформацией черепов.

Эти комплексы связаны с несколькими могильниками, в которых присутствуют курганы, относящиеся к финальному этапу позднесарматского времени (второй половины III – IV в.).

Одним из ярких памятников финала позднесарматского времени в волго-донском регионе является могильник Большая Дмитриевка, находящийся на реке Карамыш (левый приток р. Медведица) в Саратовской области. К IV в. можно отнести погребение 2 в кургане 1, погребение 1 в кургане 6² и погребение 3 в кургане 16, по обряду соответству-

ющие позднесарматскому культурному комплексу. Все они сооружены в подбойных могилах, два из них были впускные (кург. 1, погр. 2 и кург. 16, погр. 3) в курганы более раннего времени. Все погребенные ориентированы головой в северный сектор. Вещевой материал из указанных погребений указывает на IV в. как наиболее вероятную дату данных комплексов. Морфологически и стилистически близки друг другу пряжки из погребения 3 кургана 16 Большой Дмитриевки и кургана 33 Абганеро II. К этой же группе можно отнести ременные застёжки из кургана 108 могильника Новый, Тугозвонovo и кургана 25 Бродовского могильника и др., включенные А.А. Красноперовым в предметы «умеренно-зерненого стиля» [Красноперов, 2019, рис. 6]. Особенности данной группы пряжек является стилистика оформления лицевой пластины щитков (вставки, зернь и др.), находящая определенные соответствия с древностями гуннского времени, при этом морфология язычков соответствует признакам ременных застёжек позднесарматского времени, характерным для пряжек П8, П9, П10 [Малашев, 2000]. Наиболее поздней из приведенных находок является пряжка из кургана 25 Бродовского могильника, хронологическая оценка которой опирается на контекст памятника, связанного с началом гуннского времени. Остальные находки имеют более раннюю дату, но не выходят за рамки 2–3-й четверти IV в. [Красноперов, 2019, с. 109–110; Гавритухин, 2022, с. 304]. Хронологическая оценка комплексов погребения 2 кургана 1 и погребения 1 кургана 6, также относящихся к IV в., уже была дана ранее при анализе находок в них сильнопрофилированных фибул 11-II-3 [Малашев, Кадзаева, 2021, с. 63].

Данный могильник является интересным с точки зрения сочетания в нем захоронений в различных типах погребальных сооружений: подбоях, узких прямоугольных ямах и катакомбах II типа, которые получают распространение в культуре «алан-танаитов» после середины III в. [Малашев, Кривошеев, 2023, с. 268–270]. В могильнике отсутствуют катакомбы I типа (Т-образные), которые принято считать маркером аланской погребальной традиции, в том числе и на территории Нижнего Дона, где происходило оформление культуры

«алан-танаитов». При этом совсем недалеко от Большой Дмитриевки известно захоронение в Т-образной катакомбе (Широкий Карамыш 2, кург. 7, погр. 1). В нижнем течении Медведицы при впадении в Дон в могильнике Глазуновский II также встречена Т-образная катакомба (кург. 4) в сочетании с подбойными могилами в других курганах.

Инвентарь из рассмотренных захоронений в бассейне Медведицы указывает на связь этой группы кочевников с производственными центрами в среде аланской культуры Северного Кавказа. Ранее уже высказывалось мнение, что эти памятники отражают места летников нижнедонских «алан-танаитов» [Кривошеев, 2016]. Указанные погребения на этой территории укладываются в общую хронологию древностей «алан-танаитов», в том числе и в IV веке.

Другая группа сарматских памятников Нижнего Поволжья, в которой присутствуют наиболее поздние комплексы, связана с восточными районами южной части Волго-Донского междуречья. Здесь стоит выделить памятники, наибольшее число курганов в которых относится к финальной части позднесарматского времени – это могильники Абганеро II, Купцын толга, в которых, как говорилось выше, встречены катакомбные захоронения, характерные для культуры «алан-танаитов». Однако ведущим типом погребальных сооружений являлись подбойные могилы. К IV в. можно отнести только два комплекса в могильнике Абганеро II – курган 13, погребение 1 и курган 33, погребение 1. Погребение в кургане 13 было совершено в подбое. В кургане 33 погребальное сооружение представляло собой катакомбную конструкцию, аналогов которой пока нет, но по формальным признакам она относится к вариациям (отклонениям от стандарта) типа I. Погребенный в камере был уложен меридионально. Подтверждением указанной даты являются изделия, выполненные в полихромном стиле: серебряные щитки пряжек, покрытые золотой фольгой и украшенные зернью, плетенкой и вставками. О датировке пряжки из кургана 33 (2–3-я четверть IV в.) сказано выше при рассмотрении стилистически близкой ременной застёжки из погребения 3 кургана 16 Большой Дмитриевки. Основаниями для от-

несения кургана 13 к IV в. могут служить янтарные грибовидные подвески и щиток пряжки, по оформлению лицевой стороны стилистически близкий пряжке из кургана 33 Абганерово II.

Среди степных памятников Заволжья выделяются комплексы в курганах 58 и 69 Суловского могильника, которые по пряжкам и наконечнику ремня датируются IV в. [Рыков, 1925; Скрипкин, 1976]. Основанием для оценки хронологии этих курганов являются ременные гарнитуры, которые были датированы А.С. Скрипкиным не позднее 3-й четверти IV в. [Скрипкин, 1976, с. 326, рис. 1]. И.О. Гавритухин, анализируя воинскую поясную гарнитуру из лесных и лесостепных памятников населения Волго-Уральского региона IV в., атрибутировал и дал хронологическую оценку находкам из суловских курганов, как связанных с верхнесурской группой древнемордовской культуры и датирующихся в рамках 1-й половины – 3-й четверти IV в. [Гавритухин, 2022, с. 303; 2024, с. 224, 228].

Стоит обратить внимание на погребальный обряд в указанных курганах. В одном случае (кург. 58) могильная конструкция представлена широкой прямоугольной ямой, в другом (кург. 69) – подбойной могилой. В кургане 58 погребальное сооружение было оформлено деревянной конструкцией из столбов (два из которых обожжены), укрепленных дубовыми досками. К сожалению, в публикации план погребения не приводится, и точно реконструировать деревянную конструкцию по описанию невозможно [Рыков, 1925, с. 48]. Можно предположить, что в данном погребении был захоронен человек высокого социального ранга. Для памятников восточного ареала позднесарматской культуры, в который входили Заволжье и Южное Приуралье, наиболее значимые захоронения совершены в широких прямоугольных ямах, в том числе с использованием деревянных внутримогильных конструкций [Багриков, Сенигова, 1968; Малашев, 2013, с. 34, 35; Кривошеев, 2017, с. 57].

Оба захоронения воинские. В них погребенные мужчины были ориентированы головами в северный сектор. Черепа носят следы искусственной деформации. В обеих могилах справа от костяков обнаружены мечи. В кургане 69 вместе с мечом находился нож со сложносос-

тавной костяной рукоятью, указанная выше бронзовая пряжка и наконечник ремня.

Наиболее поздним уверенно датированным комплексом в Нижнем Поволжье, которое связано с сарматской эпохой, является катакомбное захоронение в кургане 3 могильника Барановка в Астраханском Правобережье Волги. Предложенная А.С. Скрипкиным в публикации дата погребения (середина – первая половина III в.) [Скрипкин, 1974, с. 62] была скорректирована по наличию крупного кувшина северокавказского производства со сливом и орнаментацией тулова налепными валиками в сторону омоложения – комплекс датируется не ранее середины IV в. [Малашев, Кадзаева, 2021, с. 58, 63]. Погребальное сооружение, которое можно отнести к катакомбам II типа, оригинально: узкая входная яма и широкая подпрямоугольная камера с нишами по углам были ориентированы по линии С–Ю. Костяк погребенной лежал головой на север. Высота кургана (1,3 м), размеры погребального сооружения указывают на достаточно высокий статус захороненной женщины. Как уже упоминалось выше, катакомбы II типа являлись характерной особенностью культуры «алан-танаитов», и демонстрируют синтез катакомбной идеи и элементов позднесарматского погребального обряда. В комплексе из Барановки такие элементы отчетливо представлены: северная ориентировка, искусственная деформация черепа, кубическая курильница.

Таким образом, анализ наиболее поздних захоронений позднесарматского времени в Нижнем Поволжье свидетельствует об отсутствии археологических материалов существования позднесарматской культуры как целостного явления в регионе в IV веке. Однако к этому времени можно отнести крайне немногочисленные захоронения, которые в полной мере соответствуют традициям позднесарматского культурного комплекса (Большая Дмитриевка, кург. 1, погр. 2, кург. 6, погр. 1, кург. 16, погр. 3; Абганерово II, кург. 13; Суловский могильник, кург. 58 и 69) и демонстрируют использование данных территорий кочевым населением, но говорить о его многочисленности не приходится.

При этом к IV в. здесь также относятся захоронения в катакомбах, которые уверенно

можно связать с традициями культуры «алан-танаитов» (Абганерово II, кург. 33; Барановка, кург. 3).

В западной группе кочевнических памятников Волго-Донского региона, которая связана с Нижним Доном, где находилось ядро культуры «алан-танаитов», после середины III в. уже отмечалась динамика сокращения количества захоронений позднесарматского облика и позднесарматских черт в погребальном обряде культуры «алан-танаитов», что привело к почти полному доминированию обрядовых норм новой культуры в IV в. [Безуглов, 2008; Малашев, 2009, с. 49]. К этому времени можно отнести два подбойных погребения из кургана 1 могильника Кузнецовский I [Узянов, 1975, рис. 960, 969, 2, 3] и из кургана 15 могильника Козинка VIII [Безуглов, Глебов, 2002, рис. 1].

Из вышеприведенного анализа видно, что восточную группу волго-донских памятников, к востоку от Ергеней, отличает продолжительное существование традиций позднесарматской культуры. Погребения этой группы во второй половине III в. формируются в достаточно крупные некрополи (Абганерово II, Купцын толга, Кермен толга), в которых эпизодически встречаются катакомбные могилы. Как мы видим, на общем фоне сокращения населения в этом регионе соотношение традиций позднесарматского культурного комплекса и аланского комплекса не меняется и в IV веке. Катакомбный обряд в этой группе является, скорее, исключением на фоне преобладания подбойных могил, хотя и связан с захоронениями людей высокого статуса. Данная ситуация может указывать на позднесарматский субстрат, как основу кочевого населения волго-донских степей после середины III в., которое взаимодействовало с носителями культуры «алан-танаитов», перенимая некоторые элементы погребального обряда.

Подводя итог, можно уверенно подтвердить тезис о верхней хронологической границе позднесарматской культуры как целостного явления на рубеже III–IV вв. в Нижнем Поволжье. В IV в. погребения, демонстрирующие позднесарматские культурные традиции, единичны, что может свидетельствовать о присутствии неких кочевых групп позднесарматского происхождения на этой территории, но они

не многочисленны. Не исключено, что некоторые из них (Большая Дмитриевка), были интегрированы в кочевое объединение алан-танаитов, но длительное время сохраняли позднесарматские традиции в погребальном обряде.

Вероятно, одним из важнейших факторов, повлиявшим на деградацию позднесарматской культуры в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье в IV в., стали природно-климатические изменения, направленные на усиление увлажненности климата, приведшего к возникновению условий, в первую очередь зимних, при которых кочевое скотоводство, как экономический базис, в регионе стало невозможно. Мягкие зимы способствовали накоплению высоких снежных покровов и образованию ледяного наста, что затрудняло животным добычу корма, частые колебания температур приводили к намоканию руна, болезням животных и сокращению стада. Следом за сокращением стада неизбежен был либо отток кочевников из региона, либо их гибель [Кривошеев, Борисов, 2019]. Нельзя исключать, что присутствие на территории Нижнего Поволжья в IV в. незначительного количества курганов кочевников может указывать на использование этой территории в качестве летних пастбищ. Однако о круглогодичном устойчивом пребывании скотоводов здесь в это время вряд ли стоит говорить.

Историко-культурные и природно-климатические процессы, охватившие Нижнее Поволжье во второй половине III – IV в., были масштабными и продолжительными. Аналогичные сценарии для скотоводческих культур, вероятно, развивались в лесостепи Западной Сибири и степной зоне Южного Приуралья [Кривошеев, Борисов, 2023].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00572 «Финал сарматской эпохи в волго-уральских степях: социально-исторические процессы и палеоэкологические условия», <https://rscf.ru/project/25-28-00572/>.

The research was carried out with the funds of the Russian Science Foundation grant № 25-28-00572 «The final of the Sarmatian era in the Volga-Ural steppes: socio-historical processes and paleoecological conditions», <https://rscf.ru/en/project/25-28-00572/>.

² В публикации А.Д. Матюхина комплексов из Большой Дмитриевки закрались ошибки: вещи из этого комплекса в тексте упоминаются, как происходящие из кургана 5, в подрисуночной подписи – как из кургана 3 [1992, с. 147, 148, 152, рис. 2]. На подрисуночную подпись в статье А.Д. Матюхина опирались В.Ю. Малашев и З.П. Кадзаева [2021, рис. 4, 7–9], отнеся вещи к кургану 3. Попытка разобратся в правильности нумерации по отчетным

материалам [Матюхин, 1989] еще более запутывает ситуацию, поскольку в тексте отчета данный курган озаглавлен как «курган 9», а вот в заключении описания и в подписях под рисунками и фотографиями вещей указывается, что это «курган 6». Поскольку на планах кургана и погребения подписано «курган 6», то мы считаем целесообразным использовать его именно под этим номером – курган 6.

ПРИЛОЖЕНИЕ

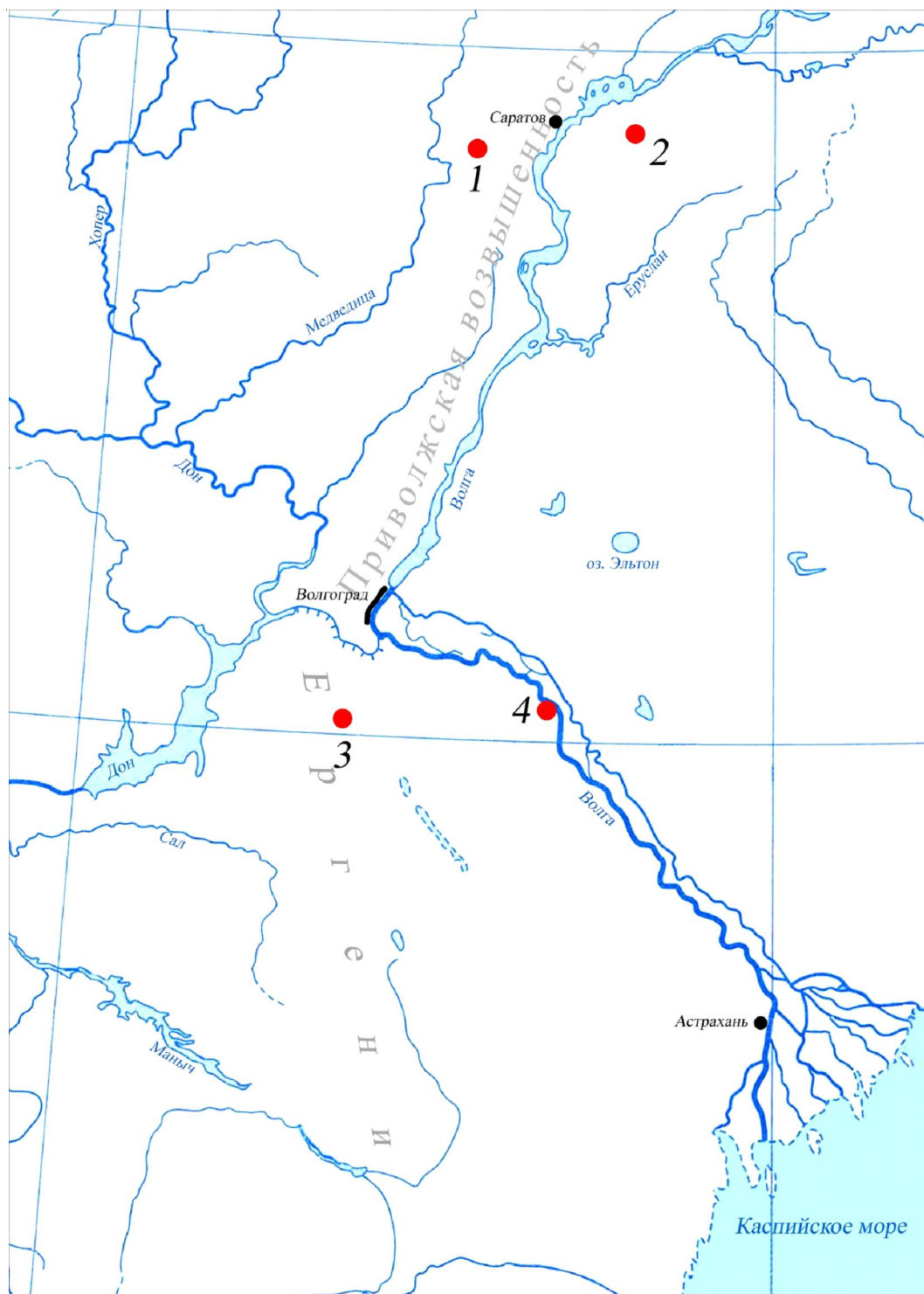

Рис. 1. Карта Нижнего Поволжья с курганными могильниками, содержащими погребения IV в. н.э.:

1 – Большая Дмитриевка; 2 – Суловский; 3 – Абганерово II; 4 – Барановка

Fig. 1. Map of the Lower Volga region with burial mounds containing burials from the 4th century AD:

1 – Bolshaya Dmitrievka; 2 – Suslovsky; 3 – Abganerovo II; 4 – Baranovka

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багриков Г. И., Сенигова Т. Н., 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–IV и XIV вв.) // Известия АН КазССР. Серия «Общественные науки». № 2. Алматы : Наука. С. 71–89.
- Безуглов С. И., 1990. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов : Изд-во Азов. краевед. музея. С. 80–87.
- Безуглов С. И., 2001. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.) : дис. ... канд. ист. наук. М. 368 с.
- Безуглов С. И., 2008. Курганные катакомбные погребения позднеиримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. М. : ИА РАН. С. 284–301.
- Безуглов С. И., Глебов В. П., 2002. Курганные погребения позднеиримского времени из могильника Козинка VIII // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов. С. 288–301.
- Гавритухин И. О., 2022. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань : Изд-во АН РТ. С. 272–316.
- Гавритухин И. О., 2024. Пояса типа Суворово (к изучению волго-уральской военизированной элиты IV в. н.э.) // Stratum plus. № 4. С. 201–240. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp244201240>
- Красноперов А. А., 2019. Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов : конференция 4. Ч. 2. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 103–190.
- Кривошеев М. В., 2016. Волго-Донское междуречье в середине III – IV в. н.э. Этноисторические проблемы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : материалы V Междунар. Нижневолж. археол. конф., 15–18 ноября 2016 года. Элиста : Изд-во Калмыц. ун-та. С. 100–103.
- Кривошеев М. В., 2017. К вопросу о критериях выделения элитных погребальных комплексов позднесарматского времени // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск : Гос. ист. музей Южного Урала. С. 56–59.
- Кривошеев М. В., Борисов А. В., 2019. Климатический оптимум как фактор кризиса экономики степных кочевников в IV в. н.э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 3. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>
- Кривошеев М. В., Борисов А. В., 2023. Палеоэкологические условия финала сарматской эпохи и их влияния на общества скотоводов и земледельцев Восточной Европы и Западной Сибири // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 112–125. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.6>
- Кривошеев М. В., Малашев В. Ю., 2016. Хроноиндикаторы середины III – IV в. н.э. из степных памятников Волго-Донского региона // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 70-летию юбилею Б.А. Раева (г. Казань, 20–21 октября 2016 г.). Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 138–147.
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : Терра. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., 2009. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // Российская археология. № 1. С. 47–52.
- Малашев В. Ю., 2010. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 117–142.
- Малашев В. Ю., 2013. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. М. 301 с.
- Малашев В. Ю., Кадзаева З. П., 2021. Сильнопрофилированные фибулы середины III – IV в. н.э. // Российская археология. № 2. С. 54–72.
- Малашев В. Ю., Кривошеев М. В., 2023. Катакомбные памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А.С. Скрипкина, 15–19 мая 2023 г., г. Волгоград. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 265–281.

- Матюхин А. Д., 1989. Отчет об археологических исследованиях в Саратовском и Лысогорском районах Саратовской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 14185.
- Матюхин А. Д., 1992. Сарматские памятники I–IV вв. Саратовского Правобережья (краткий обзор материалов) // Археология восточно-европейской степи. Вып. 3. Саратов : Сарат. гос. ун-т. С. 144–158.
- Рыков П. С., 1925. Суловский курганный могильник. Саратов. 54 с.
- Скрипкин А. С., 1974. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 140. С. 57–63.
- Скрипкин А. С., 1976. Две бронзовые пряжки из Суловского курганного могильника. [IV в.] // Советская археология. № 3. С. 325–327.
- Скрипкин А. С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. 151 с.
- Узянов А. А., 1975. Отчет Донской экспедиции о работах в Ростовской области в 1975 г. Могильники Лебединский, Кузнецовский I, Балабинский III. Разведки на Багаево-Садковской оросительной системе. Т. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 11238.

REFERENCES

- Bagrikov G.I., Senigova T.N., 1968. Otkrytie grobnits v Zapadnom Kazakhstane (II–IV i XIV vv.) [The Discovery of the Tombs in Western Kazakhstan (2nd – 4th and 14th Centuries)]. *Izvestiya AN KazSSR. Seriya «Obshchestvennye nauki»* [Proceedings of Academy of Science of Kazakh SSR. Series “Social Science”], no. 2. Almaty, Nauka Publ., pp. 71–89.
- Bezuglov S.I., 1990. Alany-tanaity: ekskurs Ammiana Martsellina i arkheologicheskie realii [The Tanaite Alans: Ammianus Marcellinus’ Account and Archaeological Reality]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g.* [Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 1989], iss. 9. Azov, Azov Museum of Local Lore, pp. 80–87.
- Bezuglov S.I., 2001. *Denezhnoe obrashcheniye Tanaisa (III v. do n.e. – V v. n.e.): dis. ... kand. ist. nauk* [Monetary Circulation of Tanais (the 3rd Century BC – 5th Century AD). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 368 p.
- Bezuglov S.I., 2008. Kurgannye katakombnye pogrebeniya pozdnerimskoy epokhi v nizhnedonskikh stepyakh [Barrow Catacomb Burials of the Late Roman Age in the Lower Don Steppes]. *Problemy sovremennoy arkheologii* [The Issues of Modern Archaeology]. Moscow, Taus Publ., pp. 284–301.
- Bezuglov S.I., Glebov V.P., 2002. Kurgannye pogrebeniya pozdnerimskogo vremeni iz mogil’nika Kozinka VIII [Kurgan Burials of the Late Roman Period from the Kozinka VIII Burial Ground]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g.* [Historical and Archaeological Research in Azov and on the Lower Don in 2001], iss. 18. Azov, pp. 288–301.
- Gavritukhin I.O., 2022. Hronologiya i dinamika kul’tur v kontse pozdnesarmatskogo vremeni i nachale epohi Velikogo pereseleniya narodov [Chronology and Dynamics of Cultures at the End of the Late Sarmatian Period and the Beginning of the Great Migration Period]. *Arheologiya Volgo-Ural’ya. V 7 t. T. 4. Epoha Velikogo pereseleniya narodov* [Archaeology of the Volga-Urals. In 7 Vols. Vol. 4. The Great Migration Period]. Kazan, AS RT, pp. 272–316.
- Gavritukhin I.O., 2024. Poyasa tipa Suvorovo (k izucheniyu volgo-ural’skoy voenizirovannoy elity IV v. n.e.) [Suvorovo Type Belts (for the Study of the Volga-Ural Paramilitary Elite of the 4th Century AD)]. *Stratum plus*. no. 4, pp. 201–240. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp244201240>
- Krasnoperov A.A., 2019. Pryazhka iz Brodovskogo mogil’nika (Prikam’e) v kontekste polihromnykh stiley [Buckle from the Brody Burial Ground (Prikamye) in the Context of Polychrome Belt-Garnitures and Jewelry Styles]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe during Roman Influences and Great Migration of Peoples]. Conference 4. Part 2. Tula, The Museums of Kulikovo Field, pp. 103–190.
- Krivosheev M.V., 2016. Volgo-Donskoe mezhdureche v seredine III – IV v. n.e. Etnoistoricheskie problemy [The Volga-Don Interfluvium in the Middle of the 3rd – 4th Centuries AD. Ethnohistorical Problems]. *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzhya: materialy V Mezhdunar. Nizhnevolzh. arkheol. konf. (15–18 noyab. 2016 g.)* [Materials of the 5th International Lower Volga Archaeological Conference “Problems of Archaeology of the Lower Volga Region” (15–18 November 2016)]. Elista, KalmsU, pp. 100–103.
- Krivosheev M.V., 2017. K voprosu o kriteriyakh vydeleniya elitnykh pogrebal’nykh kompleksov pozdnesarmatskogo vremeni [Identification Criteria for Elite Burial Complexes of Late Sarmatian Period]. *Etnicheskie*

- vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ih okruzhenie: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Sarmatians and Their Environment. Proceedings of the 7th All-Russian (with International Participation) Scientific Conference]. Chelyabinsk, State Historical Museum of the Southern Urals, pp. 56-59.
- Krivosheev M.V., Borisov A.V., 2019. Klimaticheskiy optimum kak faktor krizisa ekonomiki stepnykh nomadov v IV v. n.e. [Climatic Optimum as a Factor of the Economic Crisis of Steppe Nomads in the 4th Century AD]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 3, pp. 47-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>
- Krivosheev M.V., Borisov A.V., 2023. Paleoeologicheskie usloviya finala sarmatskoy epohi i ih vliyaniya na obshchestva skotovodov i zemledel'cev Vostochnoy Evropy i Zapadnoy Sibiri [Paleoecological Conditions at the End of the Sarmatian Period and Their Impact on Herder and Farmer Communities from Eastern Europe and Western Siberia]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 2, pp. 112-125. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.6>
- Krivosheev M.V., Malashev V.Yu., 2016. Chronoindikator serebry III – IV v. n.e. iz stepnykh pamyatnikov Volgo-Donskogo regiona [Chronological Indicators of the Middle of the 3rd – 4th Centuries AD from the Steppe Archaeological Sites of the Volga-Don Region]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 70-letnemu yubileyu B.A. Raeva (g. Kagalnik, 20–21 oktyabrya 2016 g.)* [Ancient Civilization and Barbaric World of the Ponto-Caspian Region. Proceedings of the All-Russian Academic Conference with International Participation Dedicated to B.A. Raev's 70th Anniversary (Kagalnik, October 20–21, 2016)]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 138-147.
- Malashev V. Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of Belt Sets of Late Sarmatian Time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and Their Neighbors on Don]. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 194-232.
- Malashev V. Yu., 2009. Pozdnesarmatskaya kul'tura: verkhnyaya hronologicheskaya granitsa [Late Sarmatian Culture: Upper Chronological Boundary]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 47-52.
- Malashev V. Yu., 2010. Tsentralnye rayony Severnogo Kavkaza v pozdnesarmatskoe vremya [Central Regions of the North Caucasus in the Late Sarmatian Period]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kultury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym): materialy seminara Tsentra izucheniya istorii i kultury sarmatov* [The Formation and Development of the Late Sarmatian Culture (Based on Archaeological and Natural Science Data). Materials of the Seminar of the Center for Studying History and Culture of the Sarmatians], iss. 3. Volgograd, VolSU, pp. 117-142.
- Malashev V. Yu., 2013. *Pozdnesarmatskaya kultura Yuzhnogo Priuralya vo II–III vv. n.e.: dis. ... kand. ist. nauk* [Late Sarmatian Culture of the Southern Urals in the 2nd – 3rd Centuries A.D. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 301 p.
- Malashev V. Yu., Kadzaeva Z.P., 2021. Sil'noprofilirovannye fibuly serebry III – IV v. n.e. [Strongly Profiled Fibulae of the Middle 3rd – 4th Century]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 54-72.
- Malashev V. Yu., Krivosheev M.V., 2023. Katakombnye pamyatniki stepnogo Volgo-Don'ya i Predkavkaz'ya serebry III – IV v. [Catacomb Burials of the Volga-Don Steppe and the Fore-Caucasus in the Middle of the III – IV Centuries]. *Regional'nye osobennosti hronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskih kul'tur: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii», posvyashh. pamyati A.S. Skripkina, 15–19 maya 2023 g., g. Volgograd* [Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Materials of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archeology and History” Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, May 15–19, 2023, Volgograd]. Volgograd, VolSU, pp. 265-281.
- Matyukhin A.D., 1989. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh v Saratovskom i Lysogorskom rayonakh Saratovskoy oblasti v 1989 godu [Report on Archaeological Research in the Saratov and Lysogorsky Districts of the Saratov Region in 1989]. *Arkhir IA RAN*, P-1, no. 14185.
- Matyukhin A.D., 1992. Sarmatskie pamyatniki I–IV vv. Saratovskogo Pravoberezh'ya (kratkiy obzor materialov) [The Sarmatian Sites of the 1st – 4th Centuries in the Right Bank Saratov Area (Brief Review of Materials)]. *Arkheologiya vostochno-evropeyskoy stepi* [Archaeology of Eastern European Steppe], iss. 3. Saratov, SSU, pp. 144-158.
- Rykov P.S., 1925. *Suslovskiy kurgannyi mogil'nik* [Suslovskiy Kurgan Cemetery]. Saratov. 54 p.

- Skripkin A.S., 1974. Pozdnesarmatskoe katakombnoe pogrebenie iz Chernoyarskogo rayona Astrahanskoy oblasti [Late Sarmatian Catacomb Burial from the Chernoyarsk District of the Astrakhan Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 140, pp. 57-63.
- Skripkin A.S., 1976. Dve bronzovye pryazhki iz Suslovskogo mogilnika [Two Bronze Buckles from Suslovskiy Burial Mound]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 325-327.
- Skripkin A.S., 1984. *Nizhnee Povolzhe v pervyye veka nashey ery* [The Lower Volga Region in the First Centuries AD]. Saratov, Saratov University. 151 p.
- Uzyanov A.A., 1975. Otchet Donskoy ekspeditsii o rabotah v Rostovskoy oblasti v 1975 g. Mogil'niki Lebediny, Kuznetsovskiy I, Balabinskiy III. Razvedki na Bagaev-Sadkovskoy orositel'noy sisteme [Report of the Don Expedition on the Work in the Rostov Region in 1975. Lebediny, Kuznetsovsky I, Balabinsky III Burial Grounds. Exploration on the Bagaev-Sadkovsky Irrigation System], vol. 4. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 11238.

Information About the Authors

Mikhail V. Krivosheev, Candidate of Sciences (History), Head of the Laboratory of Archaeological Research named after Prof. A.S. Skripkin, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, krivosheev.azi@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Vladimir Yu. Malashev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Информация об авторах

Михаил Васильевич Кривошеев, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, krivosheev.azi@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Владимир Юрьевич Малашев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>